Александр Омелаев

Уклон

Александр Омелаев

Уклон

«Автор»
2026

Омелаев А.

Уклон / А. Омелаев — «Автор», 2026

1970 год. Происходит ДТП. Автобус с мёртвым водителем резко останавливается в двух метрах от толпы пешеходов.Казалось бы, обычное ДТП, но в протокол ГАИ вкрадывается одно коварное слово — «уклон». И тут же в Томске возникает переполох. В МВД пытаются выкорчевать это слово из бумаг. КГБ поднимает по тревоге свой состав. Секретарь обкома звонит в Москву, запуская в Сибирь сразу три московские комиссии — от КГБ, ЦК и Академии.Пока КГБ и ЦК ищут шпионскую диверсию и поповщину, по следу тайны идёт лейтенант Шерлохолмов — с дедовской лупой, томиком Конан Дойла и железной логикой. Вместе со студентом-физтеха Антоном и легендарным Геркой из 312-й комнаты общаги ему предстоит раскрыть тайну гостя, который подзаряжается от обычной розетки в здании обкома КПСС.Эта книга — горькая, смешная и удивительно тёплая история о времени, когда боялись политических уклонов сильнее шаровой молнии, но даже робот-разведчик с лунной базы не смог устоять перед наивностью и душевностью советских людей.

© Омелаев А., 2026
© Автор, 2026

Уклон

Александр Омелаев
Уклон
Эпиграф:

«Если факты не соответствуют теории, измените факты».
«Только дурак нуждается в порядке — гений господствует над хаосом».
Альберт Эйнштейн

1. Содержание

1. Предисловие 2
2. Историческая справка. Три взгляда на один «уклон» 3
3. Уклон улицы Кирова или Загадка ДТП 4
4. Девятнадцать оттенков истины 7
5. Короткое замыкание в четвёртом парке 10
6. Секретная физика конторы глубокого бурения 13
7. Холодный след товарища Вонючкина 15
8. Пассажиры с разными градусами 18
9. Дедукция на клюквенном болоте 20
10. Диалектика уклонов полковника Мефодьича 23
11. Искусство выкорчёвывания уклонов 25
12. Девять кадров неподвижности 27
13. Синдром триста двенадцатой комнаты общаги 31
14. Перекрёсток в четырёх измерениях 34
15. Встреча на ступеньках Универа 36
16. Высшая математика номенклатурного выживания 39
17. Коньяк для лучшего понимания генеральной линии 41
18. Высшая арифметика номенклатуры Старой площади 44
19. Номенклатурное нашествие на Томь 47
20. Побег из обкома и зарядка через розетку в общаге 49
21. Диалектика начальственного гнева Страшилова 51
22. Ноль целых тридцать три сотых процента остаточного заряда 54
23. Игра в прятки в триста двенадцатой 56
24. Тактическое отступление в логово власти 58
25. Агент «Гастроном» и призрак шестьдесят второго 61
26. Пятьдесят мегаватт для товарища робота 64
27. Операция «Твёрдая платформа» и позывной «Уклонист» 65
28. Торжество диалектики над законами Ньютона 68
29. Диамат на «пять», лунная командировка и путёвка в Москву 72
30. Кабан в Завидово и бессонница генерального секретаря 74
31. Ночной консилиум у академика Келдыша 77
32. Послесловие 81

1. Предисловие

Дорогой читатель!

Прежде чем вы перевернёте страницу и окажетесь на залитом августовским солнцем перекрёстке томского проспекта Кирова в далёком 1970 году, стоит сделать небольшую оста-

новку и присмотреться к тем удивительным обитателям советской фауны, о которых пойдёт речь в этой книге.

В эпоху развитого социализма природа создала на одной шестой части суши совершенно особый, неповторимый заповедник государственных служащих. Для человека неподготовленного все они сливались в единую серую массу в галстуках, но опытный натуралист — или нарымский охотник, привыкший читать следы на таёжном снегу — безошибочно различал среди них редчайшие породы зверей и птиц.

Взять, к примеру, простых советских сыщиков из районных отделов милиции. Это были рабочие лошадки правопорядка — существа выносливые, недоспавшие, прокуренные дешёвым «Беломором» и питающиеся преимущественно бутербродами с ливерной колбасой в перерывах между поисками украденных велосипедов и поимкой дебоширов. Среди них изредка попадались и вовсе диковинные экземпляры — романтики с книжками Конан Дойла в кармане, наивно полагающие, что в стране победившего социализма есть место для лондонской дедукции.

Над ними, в разреженных слоях стратосферы, парили гордые и неразговорчивые птицы совсем иного полёта — товарищи из КГБ. Обитали они в тихих зданиях с плотными шторами, обладали ледяным взором, безупречной выправкой и уникальной способностью видеть шпионскую диверсию даже в перегоревшей лампочке подъезда. Главным инстинктом этих птиц была тотальная секретность: если чекист узнавал, сколько времени показывают часы на городской площади, он немедленно ставил на эту информацию гриф «Хранить вечно» и брал подписку о неразглашении с самого часового механизма.

Но выше всех в этой пищевой цепочке стояли монументальные, неторопливые тяжеловесы — обкомовские и цековские работники. Это была особая порода государственных зубров. Они не бегали за преступниками по подворотням и не сидели в засадах. Они сидели в просторных кабинетах с дубовыми панелями, двигали по картам нефтепроводы, руководили урожаями и с закрытыми глазами чуяли малейшее колебание воздуха в идеологическом пространстве. Для обкомовского зубра не существовало просто сломанного автобуса или обычной горки на дороге — любое явление природы немедленно проверялось на предмет политической платформы, её уклона и соответствия решениям последнего съезда партии.

И, наконец, на самой вершине этого заповедника, в разреженном воздухе Кремля и сосновых борах Завидово, обитали небожители Политбюро и титаны Большой Науки. Здесь судьбы вселенной решались между разделкой добытого на охоте секача, бессонной ночью Генерального секретаря и тихим, мудрым кивком президента Академии наук, способного одним росчерком пера превратить межпланетную тайну в безобидное погодное явление.

Столкнуть в одном тесном сибирском городе наивного сыщика с лупой, перепуганного чекиста, бдительного партийного тяжеловеса, компанию вечно голодных сибирских физиков и одного крайне деликатного гостя с Луны — занятие рискованное. Но именно в таких столкновениях рождается та самая горькая, абсурдная и удивительно тёплая правда о времени, в котором люди всерьёз верили в светлое будущее, боялись слова «уклон» сильнее шаровой молнии и умудрялись сохранять человечность даже вопреки самым строгим инструкциям.

Приятного чтения, товарищи! И ради бога — поглядывайте иногда на градус наклона дороги под ногами. В нашей стране с уклонами шутить не принято — особенно если они доходят до самого Кремля.

2. Историческая справка:

Слово «уклон» в Советском Союзе являлось многогранным термином, который одновременно описывал физический угол наклона асфальта и смертельно опасное политическое отклонение от генеральной линии партии. В эпоху развитого социализма это понятие с лёгкостью перекочёвывало из учебников по геодезии в уголовные дела о вредительстве, заставляя

советского гражданина с одинаковой опаской смотреть и под ноги на крутой горке, и в свежий номер газеты «Правда».

- С научно-геометрической точки зрения (Справочник по геодезии и дорожному строительству, 1968 г.). В строгой науке уклон — это величина, абсолютно лишенная классового сознания, но обладающая коварным характером.

-Математическая суть. Уклон представляет собой отношение превышения одной точки местности над другой к горизонтальному положению между ними, выражаемое в процентах или промилле. Проще говоря, это тангенс угла наклона поверхности к горизонту, который безжалостно подчиняется законам гравитации вне зависимости от решений последнего съезда КПСС.

-Транспортная практика**.** Для тяжёлой советской техники, вроде автобуса ЛиАЗ-677, десятипроцентный уклон вниз — это серьёзное испытание для пневматических тормозов и нервной системы водителя. На таком участке кинетическая энергия многотонной машины растёт быстрее, чем показатели перевыполнения пятилетки, и остановить её без визга покрышек противоречит базовым законам классической механики.

-Из Большой Советской Энциклопедии (Том 26, третье издание, 1977 г.).

Академическая наука Страны Советов подходила к вопросу диалектически, стараясь примирить сухую физику с передовой идеологией.

-Двойственная природа термина. Энциклопедия сухо констатирует, что в технике уклон — это показатель крутизны ската, а в горном деле — наклонная подземная выработка. Однако сразу после технических деталей статья совершает головокружительный кульбит и переходит к общественным наукам, где уклон внезапно перестаёт измеряться в градусах.

-Социально-политический подтекст. В общественном смысле уклон определяется как ошибочное направление в политике, идеологии или искусстве, отклоняющееся от единственно верного марксистско-ленинского курса. Авторы энциклопедии с присущей им академической невозмутимостью ставят в один ряд наклонную шахтную клеть и мелкобуржуазную шаткость в рядах пролетариата.

-Из Краткого курса истории ВКП(б) (Издание 1938 года, классика жанра). В суровые тридцатые годы слово «уклон» окончательно потеряло геометрическую невинность и приобрело характер тяжёлого обвинительного приговора.

-Арифметика предательства. В партийной литературе той эпохи существовало два главных направления: «правый уклон» и «левый уклон», причем оба они, вопреки законам Евклидовой геометрии, неизбежно вели прямиком в пропасть контрреволюции. Попытка найти золотую середину и вовсе квалифицировалась как гнилой центризм и беспринципное примиренчество.

Практический вывод для гражданина. Если обычный дорожный уклон грозил советскому человеку лишь вывихом лодыжки или потерей калоши в весеннюю распутицу или гололедице, то уклон идеологический гарантировал длительную командировку в места с весьма суровым климатом. Таким образом, к семидесятым годам в подсознании любого советского следователя прочно закрепилась аксиома: любой подозрительный уклон на вверенном участке — это неспроста, и за ним обязательно кто-то или что-то стоит.

4. Уклон улицы Кирова или загадка ДТП

К деталям понятия слова "уклон", мы ещё не раз вернёмся, а сейчас давайте прослушаем очень эмоциональный рассказ постового следственной группе, записанной ими на магнитофон - новейшее техническое средство, только что поступившее в прокуратуру города Томска...

РАСШИФРОВКА МАГНИТОФОННОЙ ЗАПИСИ № 14-Б

Носитель: лента магнитная «Тип-6», скорость 9,53 см/сек, записано на катушечный магнитофон «Днепр-14А» (инв. № 402, получен прокуратурой г. Томска по спец разнарядке в июле 1970 г.).

Дата и время: 13 августа 1970 года, 16 часов 40 минут.

Присутствуют: следователь прокуратуры Кировского района юрист 2-го класса С.П. Ковалёв, старший оперуполномоченный ОБХСС/УГРО капитан милиции В.И. Громов, младший сержант ОРУД-ГАИ Петр Иванович Скворцов.

(Слышен громкий щелчок клавиши «Запись», характерное шипение плёнки, затем звук отодвигаемого стула и тяжёлый, прерывистый вздох).

Следователь Ковалёв: Товарищ Скворцов, техника импортного образца, плёнка дефицитная, чехословацкая, так что прошу без лишней лирики, но со всеми подробностями. Говорите прямо в этот вот сеточный микрофон. Фамилия, звание, пост, и что конкретно вы наблюдали на перекрестке улиц Кирова и Дзержинского сегодня в четырнадцать ноль-пять.

Мл. сержант Скворцов: *(Голос хриплый, срывающийся на фальцет)* Дык я... товарищ следователь... Я ж не пьющий, вы ж меня знаете! У меня за три года службы ни одного взыскания, только благодарность от начальника горГАИ ко Дню милиции! А тут такое... У меня до сих пор поджилки трясутся, как у студня на тарелке. Дайте воды, ради бога, в горле пересохло, будто я наждачки наелся.

(Звук наливаемой из графина воды, звон стекла о зубы, громкий глоток).

Капитан Громов: Не тяни резину, Петр. Народ вон под дверями толпится, девятнадцать свидетелей, и каждый свою околесицу несёт. Давай по порядку. Ты где стоял?

Мл. сержант Скворцов: На углу у гастронома, товарищ капитан! Как положено, на тумбе своей, жезл при мне, свисток во рту наготове. Жара ж стояла — градусов тридцать, асфальт по проспекту Кирова прямо плывет, как повидло. А горка там сами знаете какая — десять процентов уклона вниз, если от вокзала ехать! У нас там зимой вообще цирк с конями: как гололед, так «Москвичи» боком, как крабы, юзом на Свердлова вылетают, а там ведь, наоборот, подъем в пять процентов!

Я, значит, стою, пот со лба утираю. Гляжу — светофор на Кирова красный зажёг. Поперёк, по Дзержинского, пешеходам зелёный пошёл. Ну, народ и повалил. Гурьбой, плотно так — человек тридцать, не меньше. Бабы с авоськами, мужики с портфелями, студентки какие-то из политеха, бабка с бидоном кваса... Идут себе, языками чешут.

А сверху по Кирова, от остановки — она там метрах в тридцати выше перекрёстка — трогается наш рейсовый «ЛиАЗ», маршрут пятый, бортовой номер сорок два-шестнадцать. За рулем — дядя Вася, Василий Кузьмич, фронтовик, орденоносец, он этот маршрут с закрытыми глазами, задом наперёд проедет! Он от остановки отвалил и катится себе тихонечко под горку. Я ещё слышу, как у него колодки тормозные поскрипывают — *ш-ш-ш, ш-ш-ш* — притормаживает, значит, к светофору подкатывается. Всё чин по чину, по правилам.

Следователь Ковалёв: Так. И в какой момент началось отклонение от нормы?

Мл. сержант Скворцов: а вот тут, товарищ следователь, и началась чертовщина! До зебры ему оставалось метров пять, ну, может, три-четыре от силы. Скорость — черепашья, пешком обогнать можно. И вдруг — КАК ЗАОРЁТ! Клаксон у него, знаете, такой, басовитый, дух вышибает! *БИ-И-И-И!* Непрерывно, будто заклинило!

Я голову поворачиваю, свисток в рот — и глазам своим не верю! Эта махина шеститонная, вместо того чтобы встать, как рванёт с места! Двигатель заревел так, будто он на взлёт

пошёл, как ТУ-104 в Богашево! Выхлоп из трубы чёрный, как из паровоза, и автобус — *вжих!* — прямо в толпу!

Капитан Громов: Подожди. То есть водитель резко нажал на газ?

Мл. сержант Скворцов: Да если б просто нажал, товарищ капитан! Он его в пол вдавил! Народ на переходе как услышал этот рёв — обмер! А потом как стадо овец при виде волка: бабы визжат, бидон этот с квасом летит, пена во все стороны! Одни вперёд сиганули, другие назад попятились, сшибли друг друга, короче — натуральная «куча-мала» прямо на белых полосках! Я в свисток дую, аж щ ёки лопаются, руками машу, а сам понимаю — всё, сейчас фарш будет, не успеет он на таком уклоне, да ещё с газом, эту дуру остановить!

Я уже глаза зажмурил, честное слово, товарищ следователь, партбилетом клянусь — зажмурил! Жду грохота, хруста... а вместо этого — ТИШИНА.

Следователь Ковалёв: в каком смысле тишина?

Мл. сержант Скворцов: в прямом! Ни визга тормозов, ни скрежета, ни удара! Будто кто-то рубильник в кинобудке выключил! Я глаза открываю — стоит. Автобус стоит как вкопанный, в двух метрах от этой кучи из баб и авосек! Ну, может, бампером кого-то слегка по мягкому месту ткнул, мужик какой-то на карачках отползал, штаны порвал, да бабка за квас причитала. Но ведь НИКОГО НЕ ПЕРЕЕХАЛ!

Капитан Громов: Постой, Скворцов. Он на десятипроцентном уклоне, на полном газу, за два метра до людей встал как вкопанный, и ты не слышал визга шин?

Мл. сержант Скворцов: Ни звука, товарищ капитан! Я ж сам потом асфальт облазил — чистый! Ни черточки, ни следочка от резины! Как будто он не по асфальту катился, а в вату въехал или в стену невидимую уперся!

Я, понятно, с тумбы спрыгнул, ноги ватные, бегу к водительской двери. Дверь изнутри не заперта была. Я её рванул на себя — и меня аж холодный пот прошиб. Дядя Вася лежит грудью прямо на баранке, всей тяжестью на кнопку сигнала навалился — оттого клаксон и орал, пока аккумулятор не сел. Голова набок свернута, глаза стеклянные, губы синие... Мёртвый он, товарищ следователь. Совсем мёртвый уже был.

Следователь Ковалёв: Вы уверены, что он был мёртв именно в тот момент?

Мл. сержант Скворцов: Да он уже холодеть начал, когда я его за плечо тронул! А самое жуткое — я вниз глянул, под руль. Правая нога у него, в кирзовом сапоге, как вытянулась судорогой, так и вдавила педаль газа в самый пол, до упора, до железки! То есть он, видать, ещё за пять метров до перехода кончился — сердце прихватило или удар какой — грудью на гудок упал, а ногой в агонии на газ надавил!

(Пауза. Слышно, как магнитофонная лента слегка поскрипывает на бобине).

Капитан Громов: Так. Логично. Инфаркт, судорога, нога на газе... а остановился-то он тогда КАК?! Если водитель мёртвый, нога на газу, уклон десять процентов вниз, а тормоза никто не трогал?!

Мл. сержант Скворцов: *(Шёпотом)* Вот и я про то же, товарищ капитан... Когда я дверь открыл, двигатель уже не работал. Вообще. Ни чихал, ни пыхтел. Молчал, как покойник. Будто его кто-то снаружи взял за задний бампер огромной рукой, приподнял, заглушил и аккуратненько на место поставил. А вы говорите — уклон... Тут, товарищ следователь, такой уклон пошёл, что впору не протокол писать, а батюшку из Петропавловского собора вызывать. Хотя я, конечно, комсомолец и в бога не верю... но в физику нашу советскую я сегодня тоже верить перестал!

(Слышен резкий щелчок кнопки «Стоп». Запись обрывается).

4. Девятнадцать оттенков истины

Узкий коридор Кировской районной прокуратуры к пяти часам вечера напоминал зал ожидания Казанского вокзала в разгар отпускного сезона. Сюда, словно сельдей в бочку,

набили девятнадцать уцелевших пешеходов — тех самых счастливчиков, которым судьба решила дать второй шанс на проспекте Кирова. В воздухе густо пахло валидолом, речным илом от чьих-то резиновых сапог, кислым квасом и жареными пирожками с ливером, которые одна предприимчивая гражданка успела прихватить с собой прямо с перекрестка.

Следователь Ковалёв, ослабив узел синего галстука, сидел за столом, перед ним угрожающе поблескивал никелированными боками чехословацкий магнитофон «Днепр-14А». Капитан Громов подпирал плечом косяк окна, методично перелистывая стопку бумаг.

— Скворцов, конечно, парень бравый, — проворчал капитан, глядя на первую фамилию в списке, — но, если мы каждого из этих девятнадцати на дефицитную плёнку писать будем, у нас ленты до конца пятилетки не хватит. Давай, Сергей Петрович, отберём самых башковитых, кто поближе к бамперу стоял. Остальных пустим под копирку по стандартному бланку.

Ковалёв кивнул, нажал клавишу «Запись» и крикнул в приоткрытую дверь:

— Следующий! Гражданка Потапова, проходите!

(На ленте слышен тяжелый топот, звон пустой жестяной тары и грохот, с каким на стол ставится трехлитровый алюминиевый бидон с помятым боком).

Свидетель №1

Гражданка Потапова Аграфена Никаноровна, 1908 г.р., пенсионерка:

— Вы мне, товарищ начальник, душу-то не мотайте! Я человек старой закалки, я ещё при царе-батюшке на Воскресенской горе гусей пасла, меня вашим железом не запугаешь! А вот за квас — ответите! Кто мне три литра хлебного возместит? Я за ним сорок минут у бочки стояла, на самом солнцепёке!

Капитан Громов: Гражданка Потапова, про квас мы запишем в графу «материальный ущерб». Вы по существу говорите: как автобус остановился? Вы же прямо перед ним упали!

Аграфена Никаноровна: а так и остановился, милок! По велению Божьему и заступничеству Николы Угодника! Иду я, значит, по зебре, бидон в правой руке, в левой — кошелка с луком. Вдруг как загудит эта окаянная железяка! Я голову поворачиваю — летит! Красный, страшный, рогатый, как зверь из Апокалипсиса, и ревёт, будто его режут! Ну, думаю, всё, отходила ты, Груша, своё. Ноги у меня подкосились, я на колени бряк, бидон из рук вылетел, крышка — дзынь! — и квас весь прямо на асфальт, в самую пыль! Я только и успела перекреститься и крикнуть: «Спаси и сохрани, Никола-батюшка!». И тут — веришь ли, нет, товарищ следователь — будто невидимая стена перед мордой у этого автобуса выросла! Он в неё капотом — *тюк!* — и встал как вкопанный! А от него по земле такой холодок пошёл, будто погреб открыли. И тишина... Только квас мой шипит на горячем асфальте, пузырится. Так что нечего вам тут протоколы марать, товарищи коммунисты. Чудо это было! Самое настоящее чудо!

Свидетель № 2. Светило томской науки

(Звук аккуратно отодвигаемого стула, лёгкое покашливание, скрип протираемых очковых стёкол).

Гражданин Штернберг Аркадий Вениаминович, 1924 г.р., доцент кафедры теоретической физики Томского государственного университета:

— Видите ли, молодые люди... Я как раз возвращался из букинистического магазина на Набережной Ушайки, приобрёл прелюбопытнейшее довоенное издание Ландау. Перехожу проспект Кирова, размышляя о нелинейных уравнениях... И тут происходит нечто, абсолютно противоречащее классической ньютоновской механике!

Следователь Ковалёв: Вы имеете в виду резкое торможение без следов юза?

Доцент Штернберг: Я имею в виду мгновенное обнуление импульса! Посчитайте сами, дорогой мой! Масса снаряженного ЛиАЗ-677 составляет порядка шести с половиной тонн.

Плюс пассажиры — итого около восьми тонн. Уклон дороги на данном участке — десять процентов, то есть примерно пять и семь десятых градуса. Учитывая работу двигателя на максимальных оборотах, о чём свидетельствовал характерный акустический рёв, автобус должен был обладать колоссальной кинетической энергией! Чтобы погасить её на дистанции в два метра без блокировки колёс, потребовалось бы приложить встречную силу, сопоставимую с лобовым столкновением с железобетонным дотом! Но деформации кузова не произошло! Более того, я стоял в полутора метрах от переднего бампера и отчётливо почувствовал резкое падение температуры воздуха и странную... как бы это выразить... вязкость пространства! Будто на доли секунды локально изменилась гравитационная постоянная или коэффициент трения покоя! Это, товарищи, не для милиции случай — это для Академии наук СССР!

Свидетель № 3. Пролетарий с чутким ухом

(Громкий скрип кирзовых сапог, запах табака «Прима» и машинного масла).

Гражданин Кузьмичев Степан Фёдорович, 1935 г.р., старший слесарь-агрегатчик 4-го автокомбината:

— Да бросьте вы этого очкарика слушать, товарищ капитан! «Гравитация, постоянная» ... руки у него не из того места растут, вот и вся его физика! Я эти ЛиАЗы с закрытыми глазами перебираю, у них же коробка-автомат стоит, львовская, гидромеханическая! Дерьмо редкостное, скажу я вам по секрету, хоть и новейшая разработка!

Капитан Громов: То есть вы считаете, что заклинило коробку передач?

Степан Кузьмичев: Да сто процентов! Вася, царство ему небесное, мужик был опытный, но возраст... Прихватило мотор у человека. Он на гудок упал, ногу судорогой свело — газ в пол. Двигатель обороты набрал, гидромуфта сработала, автобус и прыгнул, как бешеный жеребец! А потом — бац! — в этой чёртовой львовской коробке шестерни в клин пошли, или реверс сам собой включился, задняя передача, значит, сработала на полном ходу! Вот он колом и встал, а двигатель от такой нагрузки моментально заглох! Правда, есть одна неувязочка... если б коробку так заклинило на десятипроцентном уклоне, там бы кардан в узел завязало, мост бы вырвало к чертям собачьим, и грохот стоял бы такой, будто трамвай с рельсов сошёл. А тут — тихо, как в морге. Вот это мне, честно говоря, спать спокойно не даёт. Не бывает так в технике, товарищ капитан. Железо — оно без грохота не ломается.

Свидетель № 4. Бдительный кадр

(Звук нервно щелкающего замочка кожаного портфеля, шелест бумаг).

Гражданин Пыжов Аполлон Игнатьевич, 1919 г.р., старший бухгалтер треста «Томсклесстрой»:

— Я требую выключить этот ваш магнитофон! Нет, наоборот — включите на полную громкость! Я хочу, чтобы мои слова дошли до самого верха, до обкома партии и органов госбезопасности! Вы думаете, это случайность? Уклон у вас тут? Нет, товарищи, это самый настоящий политический уклон! Вернее, диверсия!

Следователь Ковалёв: *(Устало, потирая переносицу)* Гражданин Пыжов, какая диверсия? Рейсовый автобус пятого маршрута, водитель — ветеран войны, покойный ныне...

Аполлон Пыжов: Вот именно! Ветеран! Заслуженный человек! А кто в толпе шёл?! Я шёл! С квартальным отчётом по лесозаготовкам! А рядом со мной — два гражданина в пыжиковых шапках, и это в августе-то месяце! Подозрительные личности! И как только автобус на нас понесся, я краем глаза заметил, как один из них руку в карман сунул — и раздался такой высокий, противный писк, как от шпионской рации! И автобус сразу — стоп! Это же испытание новейшего психотропного или магнитного оружия империалистов! Томск — город закрытый, рядом секретные объекты, а у вас тут среди бела дня рейсовый транспорт останавливают дистанционно! Я этого так не оставлю, я в Москву писать буду, лично товарищу Андропову!

Свидетель № 5. Жертва прогресса и брюк клеш

(Звук шуршащего нейлона, тяжёлая одышка, тихий смешок).

Гражданин Бобров Геннадий, 1950 г.р., студент 3-го курса радиотехнического факультета ТИАСУРа:

— Да не слушайте вы этого бухгалтера с пыжиковыми шапками, товарищ следователь, у него от жары шарики за ролики заехали! Я прямо у самого капота лежал — вот, смотрите, брюки новые, кримпленовые, из фарцы за сорок рублей брал, на колене в хлам порвал!

Капитан Громов: Не отвлекайся, студент. Что ты видел, когда упал?

Геннадий Бобров: Я, короче, девчонкам с параллельного потока кричал, хотел выпендриться, ну и зазевался. А когда эта красная махина на меня полетела, я даже испугаться не успел — меня какая-то бабка с бидоном сбила, я прямо под бампер и закатился. Лежу на горячем асфальте, смотрю вверх — на меня решётка радиатора надвигается, огромная, как пасть у динозавра. И вдруг... знаете, в общаге, когда проводка коротит или кинескоп у телевизора пробивает, такой синий огонёк проскакивает? Вот точно такой же голубоватый сполох прямо под передней осью автобуса сверкнул! И запахло резко — не бензином, не гарью, а как после грозы на Томи, озоном чистым! И в ту же секунду у меня волосы на руках дыбом встали, будто я за оголённый провод схватился, а автобус над самой моей головой — раз! — и замер. Даже капот не качнулся. Я выполз, потрогал бампер — а он ледяной! В тридцатиградусную жару бампер у работающего автобуса был холодный, как ледышка из морозилки!

(Слышен щелчок кнопки «Стоп». В кабинете повисает тяжёлая, густая тишина).

Следователь Ковалёв медленно откинулся на спинку стула и посмотрел на капитана Громова. Капитан молча смотрел в окно, за которым в золотистых лучах августовского заката мирно дремали деревянные кружева старого Томска.

— Знаешь, Сергей, — тихо произнёс Громов, доставая из кармана мятую пачку «Беломора», — с Аграфеной Никаноровной и её Николой Угодником всё понятно. С бухгалтером Пыжовым тоже — его в обкоме уже давно знают и стараются не пускать дальше вахты. Но вот физик этот, Штернберг, и пацан из радиотехнического... Они ведь оба про холод сказали. И про статику.

— А ещё дядя Вася, — добавил Ковалёв, постукивая карандашом по столу. — Вскрытие только завтра утром, но Скворцов клянётся, что водитель начал холодеть прямо в момент аварии. Слишком много холода для самого жаркого дня августа, Василий Иванович. Поехали-ка мы в четвёртый автопарк. Хочу я на этот пятый маршрут сам посмотреть, пока его слесарь Кузьмичев на винтики не разобрал.

Рассказы свидетелей записаны, и в деле появились первые таинственные зацепки: загадочный холод, голубоватый сполох и внезапная остановка многотонной машины.

5. Короткое замыкание в четвёртом парке

Четвёртый автокомбинат на окраине Томска встретил оперативную группу густым запахом солидола, прелых тряпок и вечерней прохладой, тянущей с Томи. Несмотря на поздний час, в ремонтном боксе № 3 горел яркий свет, а у опечатанного жёлто-красного «ЛиАЗа-677» суетились двое: уже знакомый следователям агрегатчик Степан Кузьмичев и главный инженер автопарка — сухопарый, нервный мужчина в застиранном синем халате поверх белой рубашки с галстуком.

Инженер, представлявшийся Ростиславом Эдуардовичем, нервно потирал руки, то и дело косясь на массивный катушечный магнитофон, который Ковалёв с торжественным видом водрузил прямо на верстак среди гаечных ключей и ветоши.

— Вы уж извините, товарищи из органов, — зачастил инженер, пока Ковалёв расправлял кабель и искал розетку, — но я сам потребовал, чтобы осмотр зафиксировали! Мне под трибунал из-за этого гроба на колёсах идти не с руки! Машина прошла плановое ТО три дня

назад, лично подписывал! И то, что с ней сейчас творится — это, простите, не техника, это чистая бесовщина!

— Вот под запись и доложите, Ростислав Эдуардович, — буркнул капитан Громов, присаживаясь на перевёрнутый ящик из-под запчастей и закуривая. — Без мистики, строго по технической части.

Ковалёв щёлкнул клавишей «Запись», бобины «Днепра-14А» плавно закрутились, и в тишине гулкого бокса зазвучал отчётливый, слегка дребезжащий голос главного инженера.

РАСШИФРОВКА МАГНИТОФОННОЙ ЗАПИСИ № 15-А

Носитель: лента магнитная «Тип-6», записано в помещении ремонтного бокса № 3 Четвёртого автокомбината г. Томска.

Дата и время: 13 августа 1970 года, 23 часа 15 минут.

Присутствуют: следователь прокуратуры С.П. Ковалёв, капитан милиции В.И. Громов, главный инженер автопарка Р.Э. Зайцев, слесарь-агрегатчик С.Ф. Кузьмичёв.

(На фоне слышен гул люминесцентных ламп, отдалённый лай сторожевой собаки и звон упавшего на бетонный пол гаечного ключа).

Главный инженер Зайцев: *(Голос напряжённый, срывающийся на профессиональный жаргон)* Значит так, записывайте. Я, главный инженер Четвертого томского автокомбината Зайцев Ростислав Эдуардович, в присутствии представителей прокуратуры и уголовного розыска произвёл первичный технический осмотр автобуса ЛиАЗ-677, государственный номер 42-16 ТОМ, пригнанного в парк на буксире с перекрестка проспекта Кирова и улицы Дзержинского.

Сразу заявляю официально: к механической части претензий нет и быть не может! Мы с Кузьмичёвым машину на яму загнали, облазили вдоль и поперёк. Тормозная система — в идеальном состоянии! Пневматика держит давление как по паспорту, колодки свежие, не стёртые, нигде ни подтёков, ни разрывов магистралей. Рулевое управление — без люфтов. Карданный вал, задний мост, та же львовская гидромеханическая коробка передач — всё целое! Ни одного сломанного зуба на шестернях, масло чистое, без стружки.

Капитан Громов: Постойте, Ростислав Эдуардович. А двигатель? Постовой утверждал, что мотор заглох сам собой, когда педаль газа была вдавлена в пол. Заклинил?

Главный инженер Зайцев: в том-то и фокус, товарищ капитан, что не заклинил! Поршневая группа в полном порядке, коленвал проворачивается свободно, уровень масла в норме, бензонасос качает, в баке ещё литров сорок А-76 плещется. По всем законам автодела этот мотор должен был сейчас завестись с пол-оборота! Но он молчит как мороженная рыба на льду!

Следователь Ковалёв: Почему молчит, если всё исправно?

Главный инженер Зайцев: а потому, товарищ следователь, что в этом автобусе умерла вся электрика! Но умерла не просто так, а... *(слышно, как инженер громко сглатывает)* ... будто в него шаровая молния ударила, да ещё и изнутри! Вся электропроводка выгорела в хлам! Понимаете? До состояния пепла! Изоляция на жгутах не просто оплавилась, она превратилась в сухую чёрную труху, которая рассыпается, если пальцем тронуть!

Слесарь Кузьмичёв: *(Вмешивается сбоку, голос глухой, словно из смотровой ямы)* Вы сюда посмотрите, товарищи начальники! Аккумуляторные батареи — две штуки, шестивольтовые, танковые почти, хрен убьешь — высушены досуха! Электролит выкипел подчистую, а свинцовые пластины внутри покорёжило так, будто через них ток в тысячу ампер пропустили! Генератор — в труху, реле-регулятор — в уголь, катушка зажигания вообще лопнула пополам!

Главный инженер Зайцев: Мало того! Подойдите к приборной панели, посветите фонариком! Все контрольные лампочки, спидометр, тахометр, даже часы над лобовым стеклом

— всё мертвое! Стрелки на приборах приварились к циферблатам намертво! А радиоточка в салоне, через которую водитель остановки объявляет — у неё диффузор динамика просто вывернуло наизнанку, будто внутри микрофонного провода маленький взрыв произошёл!

Следователь Ковалёв: *(Шорох шагов, звук открываемой скрипучей двери кабины)* Так... а вот это что за запах, Ростислав Эдуардович? Проводкой горелой пахнет, это понятно. Но под этой гарью... какой-то кислый, металлический дух. Будто грозой пахнет или сварочным аппаратом.

Главный инженер Зайцев: Озоном это пахнет, товарищ следователь! Я фронтовик, в связи служил, знаю, как пахнет, когда высоковольтный трансформатор прошивает. Но откуда в обычном городском автобусе высокое напряжение?! Там же бортовая сеть всего двенадцать вольт! От двенадцати вольт аккумулятор не взрывается, а медная жила толщиной в палец не превращается в труху за две секунды!

(На пленке слышен долгий, задумчивый скрип кожаной куртки Громова).

Капитан Громов: Значит, картинка складывается такая. Автобус катится под уклон. Водитель умирает, давит на газ. Машина набирает ход. И тут... происходит колоссальный скачок напряжения, который за долю секунды выжигает всю электрику, вырубает зажигание — отчего глохнет мотор — и.… и что? Откуда взялся тормозной импульс, который остановил восемь тонн на десятипроцентном уклоне без единого следа на асфальте? Выгоревшая проводка машину не затормозит!

Главный инженер Зайцев: Не затормозит, товарищ капитан. Если только... *(голос инженера переходит на нервный шёпот)* ... если только этот автобус не попал в какое-то мощнейшее электромагнитное поле. Такое, которое наводит токи Фуко в каждом болте и превращает железную раму в гигантский тормозной башмак! Только откуда в центре Томска, на перекрёстке Кирова и Дзержинского, взяться электромагниту размером с дом?! У нас там, простите, гастроном и политехнический институт, а не ускоритель элементарных частиц!

(Звук щелчка кнопки «Стоп». Запись обрывается).

Ковалёв выключил магнитофон, аккуратно смотал шнур и медленно обвёл взглядом притихший бокс. В дальнем углу, за грудой старых покрышек, что-то тихо звякнуло — словно остывал невидимый металл.

— Политехнический институт, говорите... — задумчиво протянул следователь, глядя на чёрную от копоти приборную панель ЛиАЗа. — А ведь у политеха там, как раз в двух кварталах от перекрёстка, корпус высоких напряжений стоит. Тот самый, закрытый, куда студентов без спецпропуска не пускают.

Капитан Громов медленно потушил папиросу о каблук сапога и криво усмехнулся:

— Ну что, Сергей Петрович, пахнет это дело уже не прокуратурой. Сдаётся мне, завтра с утра у нас в кабинете гости из «большого дома» нарисуются. С холодной головой и горячим сердцем.

Тайна перекрестка на проспекте Кирова начинает обретать научные и весьма зловещие очертания: сгоревшая дотла электропроводка, токи Фуко и закрытый корпус высоких напряжений Томского политеха по соседству.

6. Секретная физика конторы глубокого бурения

В то самое время, когда лейтенант Степан Шерлохолмов ещё только протирал дедовскую лупу в своем тесном кабинете Кировского РОВД, а следователь прокуратуры Ковалёв сматывал шнур чехословацкого магнитофона в больничной ординаторской, невидимая, но всепроникающая паутина Комитета государственной безопасности уже начала тихо вибрировать.

Томское областное управление КГБ располагалось в солидном, невозмутимом здании на проспекте Кирова — всего в паре кварталов от злополучного перекрестка. Ведомство это жило по своим особым, величественным законам, где главным рабочим инструментом считалась не лупа и не таблица умножения, а тотальная, круглосуточная бдительность. В представлении сотрудников конторы любой чих на вверенной территории являлся потенциальным сигналом зарубежной разведки, а внезапный дождь в ясную погоду требовал немедленной проверки на предмет климатической диверсии со стороны блока НАТО.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже через два часа после происшествия с рейсовым «ЛиАЗом» на стол начальника управления полковника Игната Петровича Страшилова легли два аккуратных рукописных листка с грифом «Совершенно секретно. Снять копию — расстрел».

Доложил о них дежурный по управлению, вошедший в кабинет начальника с таким каменным и торжественным лицом, словно принёс шифрограмму о высадке американского десанта в устье Томи.

— Товарищ полковник, — негромко отчеканил дежурный, кладя бумаги на зелёное сукно стола — по линии негласного аппарата поступили два экстренных донесения с перекрёстка Кирова и Дзержинского. От источников «Хмурый» и «Ретивый». Оба находились в гуще события. Показания совпадают на восемьдесят процентов, но содержание... требует вашей личной резолюции.

Страшилов крякнул, нацепил очки в толстой роговой оправе и принялся читать.

Нештатный агент «Хмурый» — в миру тихий, вечно недовольный жизнью бухгалтер треста «Томсклесстрой» Аполлон Игнатьевич Пыжов, тот самый, что уже успел попить крови у следователя Ковалёва, — писал размашисто, с явным политическим надрывом. В своём донесении «Хмурый» со всей пролетарской прямотой сообщал, что остановка автобуса без тормозов является ничем иным, как испытанием психотронного луча, произведённым двумя подозрительными субъектами в пыжиковых шапках посреди августа, и требовал немедленно перекрыть все выезды из города.

Второй листок принадлежал перу агента «Ретивого» — бойкого, вездесущего пенсионера из числа бывших завхозов, который считал своим священным долгом стучать на всех соседей по лестничной клетке, включая дворовую собаку Жучку. «Ретивый» смотрел на перекрёсток из окна ближайшей парикмахерской и докладывал, что автобус остановился от «невидимого ледяного удара», после чего от бампера повалил белый пар, а один подозрительный патлатый студент пытался вступить в несанкционированный контакт с неподвижным гражданином у афишной тумбы.

Игнат Петрович снял очки, потёр переносицу и тяжело вздохнул. Он хорошо знал цену творчеству своих добровольных помощников: «Хмурому» всюду мерещились шпионы в пыжиковых шапках, а «Ретивый» неделю назад принёс донос на соседку, которая якобы передавала азбукой Морзе секретные сведения в Лэнгли путём выбивания ковра во дворе. Но два независимых сигнала об одной и той же аномалии в центре режимного, окружённого закрытыми «почтовыми ящиками» города игнорировать было нельзя.

Страшилов нажал кнопку вызова и через минуту поставил задачу перед своим лучшим оперативником — майором Александром Николаевичем Крыловым.

— Возьми, Александр, вот эту беллетристику, — буркнул полковник, пододвигая донесения. — Проверь тихо, без шума. Прокуратура там уже крутится, у судмедэксперта Вонючкина поинтересуйся, автопарк пощупай. Выясни, что там за ледяной удар такой. Через три дня доложишь.

Майор Крылов взял под козырек и растворился за дверью.

Ровно через трое суток, вечером шестнадцатого августа, майор снова стоял перед столом начальника управления. Вид у опытного чекиста, обычно непроницаемого как бетонный дот,

был слегка растерянным. Он положил перед Страшиловым изъятые в прокуратуре магнитофонные катушки, копию акта вскрытия из морга и справку из четвёртого автокомбината.

— Докладываю, Игнат Петрович, — негромко начал Крылов. — Проверил по всем линиям. Шпионов в пыжиковых шапках не обнаружено — это были два командировочных заготовителя из Кемерово, приехали за кедровым орехом, шапки везли на обмен. Свидетели несут околесицу про Николу Угодника и озон. Но по технической и медицинской части... картина, честно говоря, дрянная.

Крылов коротко и сухо изложил суть: исправные тормоза, выгоревшая до пепла проводка при отключенном зажигании, замороженная кровь водителя и обмороженные уши пассажира первого ряда при тридцатиградусной жаре.

— Моё мнение такое, товарищ полковник, — подытожил майор, слегка понизив голос. — Чистой воды чертовщина. Никакой вражеской агентурой здесь не пахнет, а вот вляпаться в такую аномалию, где даже физика не работает, — себе дороже. Милиция дело уже списала в отказной как банальный инфаркт, прокуратура руки умыла. Считаю целесообразным сдать материалы в закрытый архив управления и с этой чертовщиной больше не связываться. Себе спокойнее будет.

Страшилов долго молчал, глядя на катушки с магнитофонной лентой. Совет майора звучал разумно, по-житейски мудро. Зачем будить лихо, пока оно тихо? Напишешь в Москву про «ледяной удар» — на Лубянке решат, что в Томске руководство от жары умом тронулось, и пришлют медицинскую комиссию вместо наградного списка.

— Пожалуй, ты прав, Александр, — медленно кивнул полковник. — Убирай плёнки в сейф. Дело закрываем. Всем причастным — подписку о неразглашении, и чтобы тишина была гробовая.

Крылов козырнул и вышел.

В кабинете наступила тишина. Страшилов поднялся из-за стола, подошёл к окну, заложив руки за спину, и уставился на вечерний проспект Кирова. И вот тут, оставшись наедине с самим собой и суровым портретом Железного Феликса на стене, старый чекист вдруг почувствовал, как под ложечкой начинает неприятно посасывать знакомый аппаратный холодок.

Игнат Петрович крепко задумался.

«Закрыть дело и забыть... — размышлял он, хмуря густые брови. — А если завтра выяснится, что эта самая «чертовщина» — вовсе не фокус природы, а испытание новейшего советского секретного оружия, о котором нам на места просто забыли сообщить? Приедет маршал Гречко с проверкой, спросит: „Как сработали органы госбезопасности при утечке импульса?” А я ему что скажу? „Мы решили с чертовщиной не связываться”?! Вылечу из кресла в два счёта с формулировкой за притупление бдительности!»

Мысль эта потянула за собой другую, ещё более зловещую. А если это всё-таки происки империалистов? Если через месяц такая же «холодная молния» шарахнет не по рейсовому автобусу, а по стратегическому объекту в Томске-7 или по зданию самого обкома партии?! Тогда невнимание к этой чертовщине обернется для полковника Страшилова уже не потерей кресла, а прямым билетом в Лефортово по статье о преступной халатности.

— Нет уж... — вслух пробормотал Игнат Петрович, чувствуя, как на лбу проступает испарина. — В нашей конторе чертовщины по штатному расписанию не положено. Либо это наша тайна, либо вражеская диверсия. Третьего не дано.

Полковник решительно шагнул обратно к столу, снова вдавил кнопку вызова майора Крылова и приказал поднять всю наружку, чтобы плотно пасти единственного человека в городе, который продолжал копаться в этом деле — наивного лейтенанта из Кировского РОВД с дурацкой фамилией Шерлохолмов.

7. Холодный след товарища Вонючкина

Утро 14 августа в Томске выдалось душным и пасмурным, словно природа собиралась с силами перед грозой, но никак не могла разродиться. В полуподвальном помещении областного бюро судебно-медицинской экспертизы пахло хлоркой, формалином и крепчайшим самосадом, который местный корифей селекционного дела, эксперт высшей категории Павел Игнатьевич Вонючкин, курил прямо у открытой форточки, невзирая на все противопожарные инструкции Минздрава.

Фамилия у Павла Игнатьевича была под стать его профессии и характеру — едкая, въедливая, не терпящая возражений. Сам он этим нисколько не смущался и любил повторять: «Вонючкин — это не фамилия, товарищи следователи, это профессиональный диагноз! Я любую гниль на чистую воду выведу!».

Когда Ковалёв и Громов вошли в его тесный, заставленный стеклянными банками кабинет, Вонючкин как раз стягивал с рук резиновые перчатки. Увидев в руках у следователя знакомый чемоданчик с магнитофоном «Днепр-14А», эксперт хитро прищурился и поправил круглые очки в роговой оправе.

— О, прогресс дошёл и до нашего тихого омута! — воскликнул он скрипучим тенорком. — Давайте, включайте свою шарманку, Сергей Петрович! А то напишете в протоколе сухими канцелярскими фразами, а здесь, доложу я вам, такой медицинский казус, что хоть в «Медицинскую газету» статью тискай, хоть сразу в КГБ неси!

Ковалёв молча кивнул, водрузил аппарат на край стола, отодвинув в сторону банку с заспиртованной лягушкой, и нажал клавишу «Запись».

РАСШИФРОВКА МАГНИТОФОННОЙ ЗАПИСИ № 16-В

Носитель: лента магнитная «Тип-6», записано в кабинете дежурного эксперта Томского областного бюро СМЭ.

Дата и время: 14 августа 1970 года, 09 часов 30 минут.

Присутствуют: следователь прокуратуры С.П. Ковалёв, капитан милиции В.И. Громов, судебно-медицинский эксперт П.И. Вонючкин.

(На фоне слышно тиканье настенных ходиков, гулкий стук трамвая за окном и характерный треск разрываемой папиросной бумаги).

Судмедэксперт Вонючкин: *(Голос бодрый, с явными нотками театрального восторга)* Значит так, товарищи юристы! Вскрытие трупа гражданина Соколова Василия Кузьмича, 1915 года рождения, водителя Четвёртого автокомбината, произвел я лично, в присутствии лаборанта. Сразу успокою вашу оперативную бдительность: ни пули, ни яда, ни удара тупым предметом по кумполу там нет и в помине! Никакого криминала! Классический, можно сказать, образцово-показательный обширный трансмуральный инфаркт миокарда!

Капитан Громов: То есть помер дядя Вася своей смертью?

Судмедэксперт Вонючкин: Абсолютно своей! И, прямо скажем, закономерной. Фронтовик, два осколочных в лёгком, сосуды забиты холестерином так, что хоть наждачку делай, плюс тридцать градусов жары в душной кабине «ЛиАЗа». Сердечко у него рвануло мгновенно — левый желудочек лопнул, как перезревший арбуз. Смерть наступила за секунды. Отсюда и судорога: грудью рухнул на клаксон, правую ногу свело — вдавил педаль газа в полик. Тут всё как по учебнику судебной медицины, хоть студентам на лекции показывай!

Следователь Ковалёв: Подождите, Павел Игнатьевич. Если всё как по учебнику, почему вы тогда про КГБ заикнулись? Где казус?

Судмедэксперт Вонючкин: *(Понижает голос до заговорщического полушёпота)* а казус, дорогой мой Сергей Петрович, начинается там, где заканчивается классическая медицина и начинается чертовщина! Вы акт осмотра трупа на месте происшествия читали? Посто-

вой Скворцов утверждает, что через тридцать секунд после остановки автобуса водитель был уже холодным! Я сначала подумал — у парня от страха глюки начались. Привезли тело к нам в морг в пятнадцать десять, то есть ровно через час после аварии. Я градусник в руки беру — и у меня очки на нос сползают!

Капитан Громов: И что там на градуснике?

Судмедэксперт Вонючкин: Пятнадцать градусов по Цельсию, товарищ капитан! Пятнадцать! В глубоких тканях печени! Вы понимаете, что это значит?! В тридцатиградусную августовскую жару человеческое тело остывает со скоростью примерно один градус в час! Чтобы труп Соколова остыл с тридцати шести и шести до пятнадцати градусов за один час, его надо было сразу после смерти засунуть в промышленный холодильник мясокомбината с температурой минус сорок!

Следователь Ковалёв: Может, градусник неисправен?

Судмедэксперт Вонючкин: *(Стучит костяшками пальцев по столу)* У Вонючкина градусники не врут! Я тремя разными мерил, включая спиртовой! Мало того! Когда я вскрыл грудную клетку, кровь в крупных сосудах не просто свернулась — она имела консистенцию густого вишневого киселя с мельчайшими кристалликами льда! Понимаете?! Внутри живого, точнее, только что умершего человека на долю секунды температура упала ниже нуля! Будто из него не просто жизнь выкачали, а всю тепловую энергию разом высосали! Как пылесосом!

Капитан Громов: *(Тяжело выдыхает)* Постой-ка, Павел Игнатьевич... Вчера свидетель-студент сказал, что бампер у автобуса был ледяной. Пенсионерка говорила, что от машины холодом потянуло, как из погреба. И вот теперь — лёд в сосудах водителя. Это что же получается? Автобус в морозилку въехал посреди лета?

Судмедэксперт Вонючкин: Я не знаю, во что он там въехал, товарищи следователи, но я человек старый, войну прошёл, всякого насмотрелся... И скажу вам так: от инфаркта люди умирают, но в эскимо за две секунды не превращаются! Если вы не выясните, что за холодильник у вас на проспекте Кирова включился, я этот акт в обком отправлю. Пусть партия разбирается, куда девается тепло из советских граждан!

(Слышен звонкий щелчок кнопки «Стоп». Запись обрывается).

Следователь Ковалёв выключил магнитофон и медленно обвёл взглядом кабинет. Вонючкин сидел, откинувшись на спинку стула, и с победным видом пускал колечки едкого дыма в потолок.

— Ну что, товарищи сыщики? — усмехнулся эксперт. — Потянете такую задачку?

В этот самый момент дверь кабинета резко распахнулась без стука. На пороге стоял человек в безупречно отглаженном сером костюме, при галстуке, несмотря на невыносимую духоту. Лицо его было абсолютно невыразительным — из тех лиц, которые забываешь через секунду после того, как отведёшь взгляд.

— Следователь Ковалёв? Капитан Громов? — негромко, но с металлической ноткой в голосе произнёс вошедший, предъявляя красное удостоверение с золотым тиснением. — Майор госбезопасности Крылов. Магнитофончик свой, Сергей Петрович, прихватите. И катушки все с записями — тоже. Начальство ждёт вас в машине. Поедем смотреть на один интересный... физический уклон.

Тайна сгущается: замороженная кровь водителя окончательно подтверждает версию об аномальном скачке энергии на перекрестке, а появление майора КГБ Крылова выводит дело на совершенно иной уровень.

8. Пассажиры с разными градусами

Прежде чем отправиться в «высокий» кабинет вслед за невозмутимым майором Крыловым, следователь Ковалёв успел перехватить в приёмном покое Первой городской больницы трёх главных пострадавших из самого салона злополучного «ЛиАЗа». Все трое ещё не успели

сбежать домой под расписку, поскольку находились под присмотром суровых томских травматологов.

Майор Крылов, оценив оперативную смекалку следователя, спорить не стал — лишь молча кивнул, прислонился к больничной стене, выкрашенной в казённый салатовый цвет, и приготовился слушать. Ковалёв водрузил свой верный «Днепр-14А» на тумбочку в ординаторской и по очереди пригласил выживших пассажиров.

РАСШИФРОВКА МАГНИТОФОННОЙ ЗАПИСИ № 17-Г

Носитель: лента магнитная «Тип-6», записано в помещении ординаторской травматологического отделения 1-й городской больницы г. Томска.

Дата и время: 14 августа 1970 года, 10 часов 45 минут.

Присутствуют: следователь прокуратуры С.П. Ковалёв, капитан милиции В.И. Громов, майор КГБ А.Н. Крылов (в протоколе не указан), потерпевшие пассажиры маршрута № 5.

Пассажир № 1. Передний рубеж

(Слышен шелест марлевых бинтов, тяжёлое сопение и звонкая капель из плохо закрытого крана).

Гражданин Лопатин Иннокентий Маркович, 1931 г.р., старший товаровед горплодоовощторга (сидел на первом сиденье справа, сразу за перегородкой кабины водителя):

— Вы мне, товарищ следователь, скажите прямо: кто за моральный и физический ущерб платить будет?! У меня сотрясение мозгов второй степени, лоб зашит, как футбольный мяч, а главное — уши! Вы на мои уши посмотрите! Они же синие, как баклажаны на осеннем привозе! Мне хирург сейчас мазь Вишневского наложил и говорит: «Ты где, мужик, в августе месяце обморожение второй степени умудрился схлопотать? В морозилке с минтаем уснул?!».

Следователь Ковалёв: Товарищ Лопатин, расскажите по порядку. Как вы оказались в лобовом стекле?

Иннокентий Лопатин: Да как! Сел я на остановке, газету «Красное знамя» развернул, читаю про успехи хлеборобов. Автобус тихонько под горку катится. Вдруг гудок как рявкнет прямо над ухом! Мотор заревел, нас всех назад в спинки сидений вдавило! Я газету выронил, смотрю в лобовое — а там бабы с авоськами врассыпную летят! Ну, думаю, крышка! И тут — бац! Автобус встаёт колом! Я, как снаряд из пушки, вперёд лечу, башкой своей аккурат в перегородку водителя — хрясь! А дальше — темнота, и в морду мне будто из брандспойта жидким азотом дунули! Уши аж зазвенели, как стеклянные, и сразу онемели! Я очухался на полу, у самых педалей, нос разбит, а изо рта пар идёт, как в январе на крещенские морозы! Вы мне это в справку для месткома обязательно впишите, а то мне путёвку в Сочи не дадут, скажут — симулянт!

Пассажир № 2. Золотая середина

(Звук осторожного покашливания, скрип туго наложенного гипсового корсета).

Гражданин Мякишев Виталий Семенович, 1940 г.р., преподаватель пения музыкальной школы № 1 (сидел в четвёртом ряду у окна, ровно посередине салона):

— Ох, осторожнее, товарищ капитан, не смешите меня, мне дышать больно... Два ребра треснули о поручень впереди стоящего кресла. Но, знаете, я даже не в обиде. Если бы автобус не остановился, мы бы всё там, на перекрестке, грех на душу взяли — столько людей бы подавили...

Капитан Громов: Виталий Семёнович, вы в момент остановки какую-то перемену температуры почувствовали?

Виталий Мякишев: а знаете, да! Очень странное ощущение. В салоне ведь духота стояла невыносимая, окна открыты, но ветерка никакого — пекло. Я как раз ноты проверял, к сентябрю готовился. Когда машина резко рванула, а потом мгновенно замерла, меня швырнуло вперед, я грудью о железку ударился, в глазах потемнело... И в эту самую секунду по салону словно сквозняк прошёл. Знаете, такой приятный, свежий ветерок, будто кто-то в жару форточку распахнул или кондиционер в «Интуристе» включил. По спине холодок пробежал, рубашка мокрая сразу остыла. Я ещё подумал: надо же, как хорошо стало, даже ребро не так ноет. Но чтобы уши отморозить — нет, такого точно не было. Просто лёгкая, приятная прохлада, секунд на пять, не больше.

Пассажир № 3. Задний кордон

(Слышен звонкий цокот каблуков, шелест кримпленового платья и энергичный стук пудреницы).

Гражданка Стрельцова Людмила Васильевна, 1948 г.р., парикмахер-модельер салона «Локон» (сидела на самом последнем, заднем диване у моторного отсека):

— Да какой холод, мужчины, вы о чём вообще?! Я там чуть тепловой удар не получила! У меня причёска «бабетта» с утра лаком залита была, так она от этой жары вся поплыла и набок съехала! Меня в больницу привезли только потому, что я, когда автобус дёрнулся, каблук сломала и коленку об сиденье ушибла!

Следователь Ковалёв: То есть вы утверждаете, что в задней части салона никакого понижения температуры не было?

Людмила Стрельцова: Да там пекло было, как в финской бане! Я на заднем сиденье сидела, там же снизу от двигателя жаром пышет, плюс солнце в заднее стекло шпарит! Когда этот сумасшедший автобус сначала рванул, а потом встал как вкопанный, я со своего дивана на пол съехала, чулок порвала, сумка с бигудями на голову упала... Лежу я на этом раскалённом дерматине, вся в поту, дышать нечем! Какой там ветерок, какой мороз?! Если бы там хоть градус прохлады проскочил, я бы первая заметила! А то сижу тут в приёмном покое с синяком на коленке, а у меня на два часа клиентка на химическую завивку записана, жена зампреда облисполкома! Вы меня отпустите или нет?!

(Слышен резкий щелчок кнопки «Стоп». Запись обрывается).

Капитан Громов медленно потер подбородок, глядя на вращающиеся по инерции бобины магнитофона, и перевел взгляд на молчаливого майора КГБ.

— Ну и география у нас в одном автобусе получается, — пробормотал капитан. — На капоте — лёд и минус сорок, у водителя — кровь в кисель, у товароведа на первом ряду — уши отморожены. В середине салона — лёгкий бриз. А на галёрке — Сахара, хоть веником парься. Как это понимать прикажете, товарищ майор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.